

Содержание

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ НА НОВЫЙ ЛАД (Перевод Е. Данилиной)	5
БРОСОК! (Перевод Е. Данилиной)	47
НЕУДОБНЫЕ ДЕНЬГИ (Перевод Н. Трауберг)	115
ДЕВА В БЕДЕ (Перевод А. Дормана, стихи в переводе Н. Трауберг)	221

*Бидди О. Салливан
в подарок на Рождество*

*Так тяжек был австрийский гнет
Швейцарскому народу.
Тирана Темь сразил — и вот
Все празднуют свободу.
О Теме толстые тома
Твердили мы уныло.
Но тут история сама —
Точь-в-точь что с Теллем было¹.*

Глава I

Давным-давно, в незапамятные времена, когда в Швейцарии не было еще гостиниц, еще не снимали англичане Монблан на фото для альбома — показывать после чая, друзьям на зависть, вся страна принадлежала австрийскому императору, и он распоряжался там, как хотел.

Первым делом император отправил своего друга Германа Геслера наместником. Нехороший человек был этот Геслер, и вскоре выяснилось, что швейцарцам он не по нутру. Особенно им не нравились налоги. Швейцарцы, люди простодушные и экономные, хотели вообще без них обойтись. Они говорили: «Нам и так есть куда деньги тратить». Наместник со своей стороны хотел все обложить налогом. Если у кого было стадо овец, приходилось платить деньги Геслеру; а продав овец и купив коров, приходилось платить еще больше. Вдобавок Геслер обложил налогом хлеб, и печенье, и варенье, и булочки, и лимонад — словом, все, что ему в голову пришло. Тут уж население Швейцарии решило жаловаться. Вру-

© Перевод Е. Данилиной.

¹ Здесь и далее по тексту используются цитаты из пьесы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль». — (Примеч. ред.)

чить жалобу выбрали Вальтера Фюрста — за свирепый вид и рыжие волосы, Вернера Штауффмахера — за седые волосы и задумчивый вид (это он размышлял, как правильно пишется его фамилия) — и Арнольда Мельхталь — за русые волосы и знание законов. В один прекрасный апрельский день они явились к наместнику и были приглашены в аудиенц-зал.

— Итак, — спросил Геслер, — чем обязан?

Друзья выпихнули вперед Вальтера Фюрста, надеясь, что его свирепый вид испугает наместника. Вальтер Фюрст кашлянул.

— Так? — подбодрил Геслер.

— Э-э... гм! — сказал Вальтер Фюрст.

— Уже хорошо, — шепнул Вернер, — поддай ему жару!

— Э-э... гм! — снова сказал Вальтер Фюрст. — Дело в том, ваше наместничество...

— Мелочь, конечно, — ввернул Геслер, — но обычно ко мне обращаются «ваше превосходительство». Да?

— Дело в том, ваше превосходительство, что народу Швейцарии...

— ...который я представляю, — шепнул Арнольд Мельхталь.

— ...который я представляю, кажется, что нужно кое-что изменить.

— Что именно? — осведомился Геслер.

— Налоги, ваше превосходное наместничество.

— Изменить налоги? Что, народу Швейцарии налогов не хватает?

Вмешался Арнольд Мельхталь.

— Народ думает, что и этих много, — сказал он. — На овец налог, на коров налог, на хлеб налог, на чай налог, на...

— Знаю-знаю, — перебил Геслер, — все налоги мне известны. Ближе к делу. Что тут неясного?

— А то, ваше превосходительство, что их слишком много.

— Слишком много!

— Да. И мы не станем с этим мириться! — воскликнул Арнольд Мельхталь.

Геслер подался вперед на троне.

— Повторите, пожалуйста, — сказал он.

— Мы не станем с этим мириться!

Геслер со зловещей улыбкой откинулся назад.

— А-а, — сказал он, — вон оно что! Не станете, вот как! Попросите пожаловать сюда господина верховного палача, — бросил он стоящему рядом стражнику.

Господин верховный палач вошел в приемную — любезный седовласый старичок в корректном черном балахоне, ненавязчиво вышитом черепами.

— Вызывали, ваше превосходительство?

— Всенепременно, — отозвался Геслер. — Наш гость... — (он указал на Мельхталь) — говорит, налоги ему не нравятся. Он не станет с ними мириться.

Палач укоризненно прищелкнул языком.

— Определитесь, что можно для него сделать.

— Само собой, ваше превосходительство. Роберт, — позвал он, — масло кипит?

— Сию минуту вскипело, — раздался голос из-за двери.

— Так неси, да смотри, не пролей.

(Те же и Роберт, в доспехах и черной маске, с большим котлом, из которого поднимаются клубы пара.)

— С вашего позволения, сударь, — вежливо обратился палач к Арнольду Мельхталю.

Арнольд посмотрел на котел.

— Да он горячий!

— Разогретый, — признал палач.

— Варить в кипящем масле незаконно.

— Можете подать на меня в суд, — сказал палач. — Прошу вас, сударь. Мы теряем время. Позвольте указательный палец на левой руке. Благодарю. Весьма обязан.

Он ухватил Арнольда за левую руку и окунул кончик пальца в масло.

— Ой! — подпрыгнул и воскликнул Арнольд.

— Не показывай ему, что тебе больно, — прошептал Вернер Штауффахер. — Притворись, будто не замечаешь.

Геслер снова подался вперед.

— Не желаете пересмотреть свой взгляд на налоги? — спросил он. — Вам теперь ясна моя позиция?

Арнольд признал, что, если на то пошло, какие-то убедительные моменты в ней есть.

— Вот и славно, — сказал наместник. — А как насчет налога на овец? Не станете возражать?

— Нет.

— А налог на коров?

— Самое то.

— На хлеб, на булочки, на лимонад?

— Лучше не придумаешь.

— Великолепно. Выходит, вы всем довольны?

— Еще бы!

— А остальной народ, как вам кажется?

— Тоже!

— И вы согласны? — спросил он Вальтера и Вернера.

— Да-да, ваше превосходительство! — вскричали те.

— Значит, все в порядке, — сказал Геслер. — Так я и думал: здравого смысла вам не занимать. Внесите небольшую сумму — шляпу вам протянет служащий слева от меня — за потраченное на вас время, а вы — (Арнольду Мельхталю) — добавьте скромную компенсацию за имперское масло, и мы останемся довольны друг другом. Уже? Вот и славно. До свидания, не споткнитесь на пороге.

Когда он закончил речь, троих представителей народа Швейцарии вывели из аудиенц-зала.

Глава II

Их встретила на улице толпа сограждан, которые по очереди подслушивали у замочной скважины парадного входа. Поскольку аудиенц-зал был с другой стороны дворца, через две двери, лестничный пролет и длинный

коридор слышно было не очень хорошо, так что сограждане окружили вышедшую троицу и забросали вопросами.

— Он отменил налог на варенье? — спросил Ульрих, кузнец.

— Что с налогом на печенье? — воскликнул Клаус Флюе, городской трубочист, большой любитель печенья-ассорти.

— Да ну их, чай и печенье! — вскричал его сосед, Майер Сарнен. — Я желаю знать, будем ли мы платить за овечьи стада.

— Что вообще сказал наместник? — спросил Иост Вайлер, человек практичный и прямолинейный.

Трое представителей нерешительно переглянулись.

— Н-ну, — решил наконец Вернер Штауффахер, — коли на то пошло, говорить он почти не говорил. Больше дела, меньше слов, сами понимаете.

— Я бы характеризовал его превосходительство наместника, — объяснил Вальтер Фюрст, — как трудного оппонента. Ему пальца в рот не клади.

Услышав про пальцы, Арнольд Мельхталь испустил стон.

— Короче, — продолжал Вальтер, — в ходе нашей краткой, но интересной беседы он нас убедил. Ничего не выйдет, придется платить налоги, как раньше.

Воцарилась мертвая тишина. Несколько минут все обменивались разочарованными взглядами.

Молчание нарушил Арнольд Сева. Его не выбрали представителем, поэтому он затаил обиду и воображал, что все обошлось бы, будь он на их месте.

— В сущности, — съязвил он, — вы трое не справились с поручением. Не называя имен, рискну предположить, что кое-кто в нашем городе зарекомендовал бы себя лучше. В таких тонких материях нужен, если можно так выразиться, такт. Такт — вот что нужно. Конечно, если хочется выскочить у наместника под носом...

— Мы не высказывали, — сказал Вальтер Фюрст.

— ...с криком «отмените все налоги»...

— Мы не кричали, — сказал Вальтер Фюрст.

— Я не могу говорить, когда меня постоянно перебивают, — упрекнул Арнольд Сева. — Так вот, я продолжаю: необходимо прибегнуть к такту. Такт — вот что нужно. Избрали бы представителем швейцарского народа меня — заметьте, я не говорю «должны были», просто *если бы* избрали — я принял бы такую линию поведения. Твердым шагом, но без развязности войдя в приемную тирана, я бы сгладил неловкость, отпустив невинное замечание о погоде. Как только беседа завязалась, остальное, считайте, сделано. Я бы выразил надежду, что его превосходительство хорошо пообедал. Когда разговор заходит о еде, нет ничего проще, как заметить, насколько излишни налоги на пищевые продукты, и все было бы благополучно слажено, подожди вы немного. Я не намекаю, кого следовало выбрать, просто поясняю, как бы я действовал, будучи представителем швейцарского народа.

Арнольд Сева с оскорбленным видом подкрутил усы. Друзья немедленно предложили дать ему шанс, ободренные сограждане отвечали согласным гулом. В итоге колокольчик у входа во дворец снова зазвонил, Арнольд Сева вошел, и дверь за ним захлопнулась.

Через пять минут он вышел, посасывая левый указательный палец.

— Нет, — произнес он, — не вышло. Тиран меня убедил.

— Я знал, что так и будет, — сказал Арнольд Мельхталь.

— Могли бы предупредить, — отрезал Арнольд Сева, приплясывая от боли.

— Горячее оно?

— Кипящее.

— А!

— Значит, он не отстанет со своими налогами? — раздалась в толпе огорченные голоса.

— Нет.

— Тогда нечего делать, — провозгласил Вальтер Фюрст, вдохнув поглубже, — придется бунтовать!

— Бунтовать? — закричали все.

— Бунтовать, — твердо ответил Вальтер.

— Вперед! — восклицали все.

— Долой тирана! — кричал Вальтер Фюрст.

— Долой налоги! — ревели в толпе.

Воцарилось невиданное воодушевление. Последнее слово осталось за Вернером Штауффахером.

— Нам нужен предводитель.

— Я не собираюсь навязываться, — начал Арнольд Сева, — но должен сказать, когда речь идет о руководстве...

— У меня есть кое-кто на примете, — сказал Вернер Штауффахер. — Вильгельм Телль.

— Ура Вильгельму Теллю! — грянула толпа и, по знаку Вернера Штауффахера, запела старинный швейцарский хорал:

«Каравай, каравай,
Кого любишь, выбирай!»

Напевшись до хрипоты, они отправились по домам немного поспать перед дневными трудами.

Глава III

В живописном шале, высоко в горах, покрытых снегом и эдельвейсами (это цветы, растут они в Альпах, рвать не разрешается), жил Вильгельм Телль с женой Гедвигой и двумя сыновьями, Вальтером и Вильгельмом. Он был такой замечательный человек, что я ему отведу целую главу. Любое дело горело у него в руках. Во всей Швейцарии никто лучше него не стрелял из лука. Он дрался, как лев, ходил по горам, как серна, прыгал, как белка, и носил осанистую бороду. Пробраться через вечные льды или проскакать по утесам вслед за дичью? — Телль

не подведет. Нагрубить наместнику? — Телль тут как тут. Однажды *охотился он в Шехенском ущелье, там редко след увидишь человека; он шел пустынной горного тропой, где встречным разминуться нелегко. Над головой его скала нависла, под ним ревел сердито бурный Шехен.* Внезапно они встретились с наместником лицом к лицу. Как только Геслер увидел Телля при луке, *он смутился и побледнел, колени задрожали,* словом, он присел на камушек, ощущая дурноту.

— Ба! — сказал Телль. — Кого мы видим! Я вас знаю. Хороши вы, нечего сказать, со своими налогами на хлеб да на овец. Когда-нибудь вы плохо кончите, старый негодяй! Фу!

Он бросил строгий взгляд и пошел прочь, пусть-де Геслер призадумается над его словами. С тех пор Геслер затаил злобу и все искал случая ему отплатить.

— Попомни мои слова, — сказала Гедвига, когда за ужином муж рассказал ей о встрече. — *Позора он вовек не позабудет.*

— *Я встречи не ищу. И он не ищет.*

— Вот и ладушки, — согласилась Гедвига.

А то еще был случай: конная стража наместника гналась за другом Телля, Баумгартеном, и тому ничего не оставалось, как пересечь озеро в ужасный шторм. Когда перевозчик справедливо заметил: *«Мне ринуться туда, в кромешный ад? Нет, я еще рассудка не лишился»*, — и отказался отчалить даже за двойную цену, когда рейтары с ужасными воплями почти настигли свою жертву, Телль прыгнул в лодку и, со всей силы орудуя веслами, перевез друга по бурным волнам. Отчего наместник Геслер еще больше рассердился на него.

Особенно отличала Телля необыкновенно меткая стрельба. Никто во всей стране ему в подметки не годился. Он появлялся на каждом состязании лучников и всегда уносил первый приз. Даже соперники не отрицали его мастерства. «Зато, — говорили они, — Телль стреляет

не для души», намекая, что он только и думает, как бы собрать побольше призов. Телль посмеивался: «Понятно, не для души, а для тела: мне надо кормить семью». Он никогда не возвращался с охоты без добычи. Иногда он приносил серну, и тогда семья ела в первый день жаркое, еще четыре дня — заливное, а на шестой день — биточки, с гренками по краю блюда. Иногда он добывал одну птицу, и тогда Гедвига жаловалась: «Попомни мои слова, ее на всех не хватит». Хотя всегда хватало, и уж никогда не случалось так, чтобы даже птицы не было.

Собственно, семья Телля жила счастливо и благополучно, несмотря на наместника Геслера и его налоги.

Телль был настоящий патриот. Он верил, что настанет день и Швейцария восстанет против тирании наместника, поэтому он муштровал сыновей, чтобы те всегда были готовы. Они маршировали, крича во все горло и колотя по консервным банкам с таким пылом, что Гедвига, которая не выносила шума и ждала от детей помощи по хозяйству, частенько ворчала. «Попомни мои слова, — говорила она, — растущий дух милитаризма в молодом незрелом поколении ни к чему хорошему не приведет». Она считала, коли мальчишки играют в солдатики, а не помогают матери протереть стулья и вымыть пол, их ждет ужасный конец. Телль отвечал: *«Тот, кто хочет в жизни пробиться, должен быть вооружен и для защиты, и для нападения»*. Так держать, молодцы!» Они так и держали. Вот к какому человеку швейцарский народ решил обратиться за помощью.

Глава IV

Обсудив положение в таверне «Глечик и глетчер», горожане решили выбрать троих делегатов, чтобы те пошли и объяснили Теллю, чего от него хотят.

— Не хотел бы показаться нахальным, — сказал Арнольд Сева, — но, мне кажется, одним из троих должен быть я.

— Думается, — возразил Вернер Штауффахер, — нам ни к чему замены и перемены. Почему не выбрать тех, что втроем ходили к Геслеру?

— Не хотел бы подходить критически, — ответил Арнольд Сева, — но вынужден напомнить уважаемому оратору (прошу меня простить), что он и его не менее уважаемые друзья не добились успеха.

— Как и вы! — огрызнулся Арнольд Мельхталь. Палец еще болел, тут кто угодно огрызнется.

— Все потому, — сказал Арнольд Сева, — что вы и ваши друзья, забыв о такте, взбудоражили наместника, и он не захотел прислушаться к другим. В делах такого рода самое главное — такт. Хотя как знаете. Не обращайтесь на меня внимания!

Горожане и не обращали. Они выбрали Вернера Штауффахера, Арнольда Мельхталь и Вальтера Фюрста, и троица, осушив стаканы, потянулась в горы, к дому Телля.

Остальные договорились подождать их возвращения в «Глечике и глетчере». Все очень волновались, чем дело кончится. Восстание без Телля немыслимо, ну а вдруг Телль откажется стать предводителем? Ведь чем плохи восстания — подавляя их, предводителя казнят, чтобы другим было неповадно. Не всем нравится, когда их казнят, даже в назидание друзьям. С другой стороны, Телль был храбрый малый, патриот и, может, только того и ждал, чтобы сбросить иго тирана. Прошел час, и на склоне холма показалась тройка делегатов. Телля с ними не было, и у горожан возникли нехорошие подозрения. Человек, которого прочат в вожди революции, первым делом идет к соратникам устраивать заговор.

— Ну что? — заговорили все наперебой, когда троица дошла.

Вернер Штауффахер покачал головой.

— А-а, — сказал Арнольд Сева, — я все понял. Он отказался. Вы не проявили такта, и он отказался.

— Нет, проявили, — возразил Штауффахер, — но убедить его нам не удалось. Дело было так: мы подошли к дому и постучались в дверь. Телль открыл. «Доброе утро», — сказал я. «Доброе утро, — сказал он. — Присяжайтесь».

Я сел.

— «*Поговорим*, — сказал я. — *На сердце тяжело*». По-моему, выразительный оборот.

Собравшиеся одобрительно забормотали.

— «*Да что слова*, — сказал Телль. — *От них не станет легче*».

— Неплохо, — шепнул Иост Вайлер. — Красиво он излагает, Телль.

— «*Но к подвигам пускай ведут слова*», — сказал я.

— Изящно, — одобрил Иост Вайлер, — очень элегантно. И что?

— А Телль на это и ляпни: «*Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом*».

— «*Но должно ль то сносить*, — сказал я, — *что нестерпимо?*»

— «Да, — сказал Телль, — *кто любит мир, того оставят в мире*. Как только наместник поймет, что мы от его притеснений не бунтуем, он устанет нас притеснять».

— А вы что ему ответили? — спросил кузнец Ульрих.

— Что плохо он знает наместника, если на это надеется, «*мы многого добьемся сообща*, — сказал я. — *Сплотившись, даже слабые могучи*».

— «*Тот, кто силен*, — сказал Телль, — *всего сильнее один*».

— «*Что ж, родине на вас надежды нет*, — сказал я, — *когда придет нужда в самозащите?*»

— «Нет, почему же, — сказал он. — Я с вами. Только я не гожусь в заговорщики или в советчики и все такое. В делах я себя проявляю лучше. Так что не зовите меня на собрания, не просите выступить и прочее; а вот если понадобится что-то *сделать*, тут я и подключусь, ладно?»

Черкните мне, как понадобится, — можно открытку, — и Вильгельм Телль не станет прятаться за чужими спинами. Нет, господа». С этими словами он нас выпроводил.

— Ну что ж, — подытожил Иост Вайлер, — не безнадежно. Нам остается только устроить заговор. Давайте приступим.

— Давайте! — закричали все.

Кузнец Ульрих постучал по столу, требуя тишины.

— Господа, — сказал он, — наш друг Клаус Флюе прочтет доклад на тему «Наместники: их слабые места и как с ними бороться». Прошу тишины, господа. А ты, Клаус, старина, говори погромче и не тяни.

И горожане без дальнейших проволочек начали серьезно заговариваться.

Глава V

Несколько дней спустя Гедвига пилила Телля за любовь к авантюрам. Он чинил топор на пороге дома. Гедвига, как обычно, стирала. Вальтер и Вильям неподалеку играли детским самострелом.

— Отец, — сказал Вальтер.

— Да, сынок?

— У меня тетива крякнулась («крякнулась» — так швейцарские мальчишки говорят вместо «порвалась»).

— Чини, сынок, — сказал Телль. — Стрелку неоткуда ждать помощи.

— По-моему, — заявила Гедвига, выскочив за дверь, — мальчику в его возрасте вообще незачем стрелять. Мне это не нравится.

— Не начать сызмала — не стать мастером. Помню, когда я был мальчишкой...

— По-моему, — перебила Гедвига, — когда ребенок хочет только стрелять, это не дело. Ему бы дома посидеть, матери помочь. А тебе не вредно подать пример.

— Ну, знаешь ли, — сказал Телль, — я не домосед от природы. В пастухи меня калачом не заманишь. Я бы не

знал, куда повернуться. Нет, у каждого свое дело, вот охота — по моей части. Охотиться я как раз умею.

— Гадкое и вредное занятие, — отпарировала Гедвига. — Не нравится мне слушать, как ты заблудился в пустынных ледниках или прыгал по всяким утесам. Когда-нибудь, попомни мои слова, оступишься и упадешь в пропасть, или под лавиной окажешься, или пойдешь по льду, а он возьмет да треснет. На все лады можно убиться.

— Кто соображает да смотрит в оба глаза, — самодовольно произнес Телль, — не убьется. *Природным горцам горы не страшны*, а я дитя гор.

— Дитя, уж точно! — отбрила Гедвига. — Что пользы с тобой спорить!

— Никакой, — согласился Телль, — мне пора в город. У меня назначена встреча с твоим папенькой и еще кое с кем.

(Забыл сказать: Гедвига была дочерью Вальтера Фюрста.)

— Та-ак, чего вы с папой затеваете? — поинтересовалась Гедвига. — Какую-то заварушку, я знаю. Поняла еще, когда папа привел сюда Вернера Штауффахера и того, другого, а ты не позволил мне слушать. Что там еще? Опасные выдумки, не иначе.

— Ну как тебе пришло в голову? — рассмеялся Телль. — Опасные выдумки! Что опасного станем мы с тестем выдумывать?

— Знаю! — сказала Гедвига. — Меня не обманешь! Зреет заговор против наместника, и ты туда же.

— Как не помочь родной стране!

— И тебя, конечно, поставят куда поопасней. Я их знаю. Не ходи. Пошли Вальтера с запиской, мол, сожалею, только сейчас вспомнил, обещал быть в другом месте, не могу принять ваше любезное приглашение.

— Нет, надо идти.

— Еще одно, — настаивала Гедвига. — Геслер сейчас в городе.

— Сегодня уезжает.